

Изъ древнѣйшей исторіи Восточнаго Славянства.

По поводу изысканій А. А. Шахматова въ области территоріи и этнографіи древнѣйшей Руси.

I.

Вопросъ о Донѣвской и Внѣкѣвской Руси древнѣйшей эпохи.

Изслѣдованія А. А. Шахматова вызвали несомнѣнный интересъ среди представителей русской науки къ древнѣйшему періоду Русской исторіи, а недавняя безвременная кончина его усугубила этотъ интересъ въ послѣдніе дни.

Послѣ лѣтописныхъ и иныхъ изысканій покойнаго А. А. уже нельзя повторять многихъ традиціонныхъ положеній, какими еще богаты и новѣйшіе университетскіе курсы по древнерусской исторіи, а между тѣмъ наши историки серьезно пока не откликнулись своими работами по вопросамъ, выдвигаемымъ трудами Шахматова. Къ тому же послѣдніе не даютъ намъ чего-либо вполне законченнаго и неизбежно опредѣленнаго: они лишь памѣчаютъ тотъ новый путь, по которому должны пойти самостоятельныя изысканія русскихъ историковъ. Здѣсь могутъ быть разные подходы къ новому освѣщенію древнерусской жизни, умѣстны разныя „рабочія“ гипотезы, которыхъ такъ много у самого Ш-ва и безъ которыхъ нынѣ не обойтись въ поступательномъ ходѣ изученія древнерусской исторіи; но представляется несомнѣннымъ одно положеніе: нужно пытаться искать разгадокъ древней Руси не только въ судьбахъ городовъ—Кіева и Новгорода—и не только въ исторіи т. н. Рюрикова дома. До-кѣвская и внѣ-кѣвская Русь IX—XI вв.—вотъ, думается, главная тема для новыхъ изысканій по древнерусской исторіи.

Для серьезной постановки изученія и правильнаго пониманія древнѣйшаго періода Русской исторіи нужно отрѣшиться отъ точки зрѣнія нашихъ кievскихъ книжниковъ конца XI—начала XII вв.—лѣтописцевъ, будто Кіевъ и Кіевская княжеская династія—дѣйствительный центръ Русской исторіи того времени,—и это необходимо помнить какъ относительно IX—X вв., такъ и въ отношеніи вѣка XI. Въ данномъ случаѣ нужно попристальнѣе взглянуть въ такія загадки древнерусской жизни, какъ Уличскій Пересѣченъ IX—X вв., непонятно обособленная въ XII—XIII вв. Болоховская земля,—лежащая на пути изъ Кіева въ Галицію и Владимиръ-Волынкій,—какъ таинственная придунайская Берладъ XII в., блуждающіе въ XII—XIII вв. по южнорусскимъ степямъ между Дономъ и нижнимъ Дунаемъ Бродники, ранніе колонисты Поволжья, сѣверная Ладога. Если принять во вниманіе, что большинство этихъ загадокъ по территоріи своей—южнорусскіе, и что о новой колонизаціи въ южнорусскихъ степяхъ и черноморскомъ Приморьѣ въ X—XII вв. въ отношеніи русско-славянскихъ племенъ говорить не приходится, такъ какъ въ это время идетъ обратный ходъ русской колонизаціи—съ юга на сѣверъ, подъ защиту лѣсовъ,—то, очевидно, тутъ прежде всего нужно искать слѣды старой южно-приморской, степной Руси, о которой въ VI вѣкѣ говорятъ Иорнадъ Готскій и Прокопій Кесарійскій („Анты“) и въ IX—X вв. восточные писатели. Тмутороканъ и Бродники, конечно, связаны съ той Русью, которая, по свидѣтельству Масуди и другихъ мусульманъ, въ IX—X вв. совершала свои походы по Каспійскому морю и одновременно же, по словамъ византійскихъ писателей, дѣлала набѣги по Черному морю; недаромъ вѣдь, византійскій писатель Левъ Діаконъ Калойскій говоритъ, что извѣстный по Кіеву князь Игорь послѣ похода на Царьградъ „бѣжалъ въ Киммерійскій Босфоръ“ (см. 6 кн. его „Исторія“ въ переводѣ Д. Попова, СПб, 1820 г.), т. е. по направленію къ Тмуторокани. Съ другой стороны, Болоховцы и Берладники, безъ сомнѣнія, связаны съ тѣми поселеніями Уличей и Тиверцевъ съ одной стороны и Древлянъ съ другой, которые въ IX—X вв. занимали правый берегъ Днѣпра, доходя, по лѣтописи, частію своею „оли до моря“, имѣя здѣсь „грады“ свои, какъ уличскій Пересѣченъ, представлявшій собою сильную крѣпость и лежавшій, судя по лѣтописному указанію, „по Днѣпру внизъ“, и древлянскій Искоростень, также крѣпость, находившюся непода-

леку отъ средняго теченія Днѣпра. Сопоставляя эти и подобныя имъ данныя и вдумываясь въ нихъ, мы увидимъ, что это лишь кievскіе книжники-лѣтописцы, занятые вопросомъ о томъ, „кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити“, и преданные интересамъ только своего города и своей княжеской династіи, заставили насъ повѣрить тому, будто Кіевъ—фокусъ нашей древнѣйшей Русской исторіи и будто династія Игоря Стараго и Владимира Святого—единственная изначальная общерусская власть. Отсюда въ представленіи нашемъ затѣнились такіе несомнѣнно важные пункты русской жизни IX—XI вв., какъ Чересѣчень, Искоростень, Тмуторокань, находившіеся, вѣроятно, также на югѣ—Плесковъ и Новгородъ (князя Бравлина); отсюда затерялись слѣды другихъ русскихъ княжескихъ династій, о которыхъ лѣтопись проговаривается неоднократно, говоря, напримѣръ, что было на Руси время, когда было „княженъе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ“ и т. д. (срв. замѣчаніе о Рогволодѣ подъ лѣтомъ 6488 и др.). Отсюда происходятъ въ историческихъ работахъ такія недоумѣнія и недоразумѣнія: встрѣчая на старорусской территоріи, неподалеку отъ Кіева, въ XIII в. Болоховскихъ князей, мы недоумѣваемъ, откуда появились у насъ эти, особнякомъ отъ Ярославовой династіи стоящіе, князья; Мстислава Тмутороканскаго, чуждаго Кіеву („не приша его Кыяне“, хотя онъ былъ побѣдителемъ), предпочитающаго свою кавказскую дружину сѣверянамъ, вовсе не интересующагося Кіевскими дѣлами и династическими мѣстными спорами, вождя народной колонизаціи съ Сѣвернаго Кавказа къ Днѣпру, воспѣтаго народными легендами, обороняющагося на занятой территоріи отъ нападающаго Ярослава, вопреки очевидности, мы готовы считать сыномъ Владимира Святого и вмѣстѣ съ тѣмъ отождествлять съ нимъ того князя Свенга („Σφέγγος“), о походѣ котораго въ Хазарію подъ 6524 г. говоритъ византійская хроника Георгія Кедрина; мы не рѣшаемся усомниться въ томъ, былъ ли Судиславъ Плесковскій, такъ неожиданно попавшій „въ порубѣ“ въ связи съ утверженіемъ въ 1036—37 г. г. въ Кіевѣ Ярослава, братомъ послѣдняго; мы охотно вѣримъ позднѣйшей легендѣ, весьма туманной, о Рогнѣдѣ, и Изяслава Полоцкаго, умершаго еще въ 1001 г. и оставившаго по себѣ чуждую Кіеву и обособленную отъ его династіи, свою взрослую семью (князей Всеслава и Брячислава),

которая въ дальнѣйшее время во всемъ своемъ потомствѣ стоитъ особнякомъ и противопоставляется, какъ „Рогволожи внуци Ярославимъ внукомъ“, Кіевской династіи,—этого Изяслава мы усыновляемъ Владиміру Святому и вмѣстѣ съ нимъ и съ Мстиславомъ и Судиславомъ мы готовы усыновить ему и того Святослава Древланскаго, который, погибнувъ, подобно Борису и Глѣбу, въ борьбѣ со Святополкомъ, почему-то послѣ своей смерти не раздѣлилъ общей участи съ этими братьями—не былъ ни канонизованъ, ни вообще чѣмъ-либо отмѣченъ „братомъ“ Ярославомъ и кіевскими книжниками, столь щедрыми въ своихъ витійственныхъ записяхъ и житіяхъ по адресу Бориса и Глѣба и столь скупыхъ въ сообщеніи данныхъ относительно Святослава, и т. п.

Дѣлая эти наблюденія и сопоставленія и не поддаваясь гипнозу старокіевской идеи, вы замѣчаете, какъ у васъ собирается матеріалъ для воссозданія нѣсколькихъ старорусскихъ княжескихъ династій, помимо Игоревой—Владиміровой. Вотъ они предположительно: 1 древланская: Аскольдъ, и Диръ,—гибнушіе на среднемъ Днѣпрѣ въ борьбѣ съ упрочивающимся здѣсь путемъ войны съ Уличами и Древланями Игоремъ,—Свенельдъ, лишь низведенный, подобно Олегу, въ „воеводы“, политическій противникъ Игоря Стараго (срв. въ „Разысканіяхъ о древн. русск. лѣтоп. сводахъ“ Шахматова, 1908 г., 359—365 стр.), убившій Игоря Малъ или Мискина ¹⁾, затѣмъ Лють или Лоть Свенельдичъ; дальше, можетъ быть, „Мальфридъ сильный“, умершій въ 1000 г., затѣмъ Святославъ Древланскій, погибшій отъ Святополка, потомъ, вѣроятно, Судиславъ Плесковскій и, наконецъ, сюда же должна быть отнесена Болоховская династія XII—XIII вв.; 2 Полоцкая: Рогволодъ, Изяславъ, Всеславъ и Брячиславъ, Всеславъ и т. д.; 3) Тмутороканская: вѣроятно, Олегъ, если имѣть въ виду тѣ данныя, какія приведены о немъ въ древнееврейскомъ источникѣ, опубликованномъ въ переводѣ на русскій языкъ академикомъ П. К. Ковцевымъ („Ж. М. Нар. Прос.“, 1913-г., ноябрь), и сопоставить ихъ съ показаніями объ Олегѣ «Начальнаго свода», не знающаго Кіевского княженія Олега; затѣмъ, можетъ быть, „Мальфридъ

¹⁾ Срв. приведенную Гилларовымъ изъ реч. П. Б. Ф. IV. 111. выдержку о томъ, что Малъ былъ наслѣдникомъ Дировымъ“, Преданія русск. начальной лѣтописи, М., 1878, 212 стр.

Сильный“, упоминавшийся выше; потомъ Свенгъ, дѣйствующій, по греческому извѣстію, въ 1016 г. въ Хозаріи, и Мстиславъ Тмутороканскій съ сыномъ Евстафіемъ; далѣе, можетъ быть, Судиславъ Плесковскій, котораго трудно, какъ и Мальфрида, причислить къ опредѣленной династіи; наконецъ, сюда нужно отнести, надо полагать, Ходота Вятичскаго съ сыномъ, въ которыхъ естественно можно видѣть членовъ Тмутороканской династіи, ушедшей оттуда вмѣстѣ съ отливомъ населенія на сѣверъ (срв. замѣчанія Шахматова о колонизаціи Вятичей съ юга — отъ Дона) и послѣ утвержденія здѣсь въ 1060-хъ годахъ членовъ Кіевской династіи въ лицѣ Глѣба и Ростислава. 4) сѣверно-варяжская: Рюрикъ, Эймундъ и др. Это, конечно, не всѣ старорусскія династіи, да и самые эти предположенія нуждаются въ дальнѣйшей разработкѣ и обсужденіи, но правильное разрѣшеніе ихъ безусловно важно не для однихъ династическихъ вопросовъ, но и для уясненія и углубленія нашего общаго представленія о государственномъ строѣ древней Руси и укладѣ древнерусской жизни.

Параллельно съ идеей единой Кіевской династіи намъ тѣми же книжниками — лѣтописцами внушена идея сильной Кіевской державы и центрального, исключительно важнаго значенія Кіева въ древнерусской жизни въ эпоху X—XI вв. Въ этомъ отношеніи стоитъ лишь вспомнить, какъ въ третьей четверти X вѣка Святославъ Игоревичъ съ пренебреженіемъ относился къ Кіеву, какъ городу неважному и не торговому, и легко промѣнялъ его на болгарскій Переяславецъ, а также, что сожженный въ 1017 г. Кіевъ былъ восстановленъ („Заложилъ градъ великій Кіевъ“) Ярославомъ лишь въ 1037 г., и въ теченіе промежуточныхъ между этими годами 20 лѣтъ, видимо, не имѣлъ у себя даже князя, а затѣмъ послѣдовали довольно скоро и часто разоренія Кіева — 1096, 1169, 1203 и 1240 г. г. Эти факты должны побудить насъ съ осторожностью говорить объ исключительномъ общерусскомъ значеніи Кіева въ эпоху X—XI и начала XII вв. Если къ этому присоединить древнерусскій взглядъ на князя, какъ на необходимаго военнаго стража каждаго болѣе или менѣе значительнаго города, имѣвшаго значеніе прежде всего по своей „ратѣ“ (срв. Ипат. 1113, 1154 г. г., Лавр. 1175 г. и др.), а съ другой стороны то обстоятельство, что еще во второй половинѣ XI в. отношенія князя и населенія нерѣдко проявлялись лишь въ сборѣ дани и пребываніе князя или

его воеводы со сборомъ дани считалось населеніемъ за особое и при томъ недлительное по времени наказаніе (срв. подъ 1071 г. въ „Пов. Врем. Лѣт.“ о сборѣ на Бѣлоозерѣ дани Янемъ, воеводой Святослава Ярославича, угрожавшаго жителямъ въ случаѣ невыдачи волхвовъ: „не иду отъ васъ за лѣто“), — то намъ придется, въ концѣ концовъ, отказаться, отъ такого, столь обычнаго до самаго послѣдняго времени, представленія, что „до половины XI в. великій князь Русскій правилъ въ сущности единолично Русскую землю“ что до смерти Ярослава, „господствовала тенденція къ единоличному владѣнію всею Русскою землею“ и что „только Ярославъ положилъ начало новому порядку во владѣніи Русскою землею“, раздѣливши ее между сыновьями (срв. 100 и 101 стр. „Лекцій по др. русской исторіи“ проф. М. К. Любавскаго, Москва, 1915). Въ самомъ лѣтописномъ разсказѣ о „рядѣ“ Ярославомъ (по „Повѣсти Временныхъ Лѣтъ“) для насъ получить теперь особенное значеніе то обстоятельство, что сыновей своихъ Ярославъ всѣхъ сажаетъ неподалеку отъ Кіева, въ верстахъ — отъ 90 до 400 приблизительно отъ этого города: кромѣ Кіева, въ Черниговѣ, въ Переяславѣ, Владимірѣ Волинскомъ и Смоленскѣ, т. е. въ системѣ средняго Днѣпра ¹⁾).

Если такъ дѣло обстоило въ половинѣ XI, то врядъ ли лучше для Кіева и его династіи оно могло быть 40 годами раньше, и потому врядъ ли правъ авторъ одной новой диссертации, готовый признать близъ Волги лежащіе Ростовъ и Муромъ „крайними боевыми пунктами владѣній“ Кіевского князя въ началѣ XI в. („Образованіе Великорусскаго государства“, Петроградъ, 1918 г., стр. 30), не посчитавшійся въ данномъ случаѣ съ мудрымъ предостереженіемъ А. А. Шахматова относительно того, что лѣтописное сообщеніе о размѣщеніи сыновей Владиміра Святого по городамъ „искусственно составлено“ лѣтописцемъ — отчасти подъ влияніемъ легендъ агиографическаго характера („Разысканія о

¹⁾ Волею поднятыхъ лѣтописныхъ сводовъ извѣстія, расширяющія предѣлы владѣній, данныхъ Ярославомъ своимъ сыновьямъ, базируются на повдѣйшихъ фактахъ расселенія потомковъ Ярославичей и противорѣчатъ сообщеніямъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ за 2 половину XI в., по которой, напримѣръ, по извѣстію 1071 г. Святославъ собираетъ дань на Бѣлоозерѣ (якобы доставшемся Всеслоду), а снѣгъ его Глѣбъ княжить въ Новгородѣ (якобы поученномъ Изяславомъ) и т. п.

древн. русск. лѣтописн. сводахъ“, стр. 88—91); если бы дѣло не было иначе, то почему же Ростово-Муромская территория осваивается представителями размножившейся Киевской династии лишь на рубежѣ XI—XII вв.? И во всякомъ случаѣ послѣ Бориса и Глѣба,—бняженію коихъ противорѣчить, къ тому же Несторово ихъ житіе,—здѣсь мы не видимъ князей этой династии въ теченіе около трехъ четвертей столѣтія.

Приведенные факты, сомнѣнія, недоумѣнія и догадки имѣють своей цѣлью только поднять вопросъ, возбудить интересъ къ болѣе детальному и тщательному обслѣдованію специалистами вопросовъ, связанныхъ съ Докиевской и Выжкѣвской Русью эпохи IX—XI вв. Главнымъ толчкомъ и исходнымъ пунктомъ для новыхъ изысканій въ этомъ направленіи да будутъ неопѣнимыя работы незабвеннаго А. А. Шахматова.

II.

Работы А. А. Шахматова въ области исторической этнографіи Восточной Европы.

Покойный А. А. Шахматовъ, избравъ главными темами своихъ изслѣдованій исторію русскаго языка и древнерусскія лѣтописи, въ своей научной работѣ не могъ не соприкоснуться, въ связи съ этимъ, и съ вопросами исторической этнографіи Восточной Европы. Къ этимъ вопросамъ онъ неоднократно обращался — и попутно, и даже спеціально. Можно указать довольно длинный списокъ его статей и изслѣдованій болѣе или менѣе историко-этнографическаго характера; вотъ они: „Къ вопросу объ образованіи русскіхъ нарѣчій“ („Русск. Филол. Вѣстн.“, т. 32, 1894 г.), „Къ вопросу объ образованіи русскіхъ нарѣчій и русскіхъ народностей“ („Журн. М. Нар. Просв. 1899 г., апрѣл. кн.), „Южныя поселенія Вятчей“ („Изв. И. Акад. Наукъ“ 1907 г., №16), „Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ“ („Изв. Акад. Наукъ“ 1911 г., №№ 9 и 10), „Древнія ляхскія поселенія въ Россіи“ („Журн. „Славянство“ 1911 г. № 4—6), Введеніе въ „Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“ (Петрогр. 1915 г.), „Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка“ (Петрогр. 1916 г.), „Древнѣйшія судьбы русскаго племени“

(Петрогр. 1919 г.). Въ этихъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ Шахматовымъ поставлено много весьма важныхъ вопросовъ и интересныхъ проблемъ, предложено значительное количество гипотезъ и догадокъ, съ которыми не можетъ не считаться всякій работающій по исторической этнографіи Восточной Европы. Такъ, прежде всего имъ высказана гипотеза о томъ, что прародиной всего славянства была Курляндія, откуда черезъ Повислинье и Поприятье Восточное Славянство, отдѣлившись сперва отъ Западнаго, а потомъ отъ Южнаго, къ VI вѣку оказалось въ Сѣверномъ Черноморьѣ, гдѣ Шахматовъ усматривалъ первую прародину русскаго народа, именовавшагося тогда антами и отсюда, еще до распаденія, перекочевавшаго на Волынь. Рядомъ вѣскихъ историко-лингвистическихъ аргументовъ Шахматовъ обосновываетъ затѣмъ распаденіе Восточнаго Славянства на три первоначальныя и основныя племенные группы, явившіяся носительницами трехъ главныхъ древнерусскихъ нарѣчій — южнаго, восточнаго и сѣвернаго. Послѣднее положеніе Шахматова нашло себѣ поддержку въ рядѣ статей представителей смежныхъ областей знанія. Далѣе Шахматовымъ была выдвинута гипотеза о передвиженіи нѣкоторыхъ польскихъ племенъ на востокъ и на Русь въ цѣляхъ колонизаціонныхъ подъ вліяніемъ разгрома Карломъ Великимъ на рубежѣ VIII и IX вѣковъ аваровъ и движенія послѣднихъ на польской территоріи. Эти польскія племена, въ соотвѣтствіи съ лѣтописными преданіями, Шахматовъ видитъ прежде всего въ радимичахъ, а затѣмъ также и въ вятичахъ (на нихъ см. указаніе въ послѣдней печатной работѣ Шахматова). Позднее время этого переселенія польскихъ племенъ, лѣтописное извѣстіе о дани радимичей и вятичей хазарамъ, жившимъ далеко на югѣ-востокѣ, а въ особенности выдвинутое самимъ Шахматовымъ положеніе о первоначальномъ поселеніи вятичей въ Подоньѣ, — все это нѣсколько колеблетъ прочность этой гипотезы и вызываетъ на дальнѣйшій пересмотръ вопроса. Напротивъ, связывая неоднократно въ своихъ работахъ вятичей съ неизвѣстнымъ лѣтописи славянскимъ поселеніемъ Подонья, Шахматовъ далъ толчекъ дальнѣйшему уясненію вопроса о юго-восточныхъ Руссо-Славянахъ и о связи судебъ ихъ съ хазарами до того момента, когда въ IX вѣкѣ могущество хазарской державы было поколеблено движеніемъ угровъ и печенѣговъ. Принимая во вниманіе эту связь нѣкоторыхъ русско-славянскихъ племенъ съ хазарами, нельзя согласиться съ Шахматовымъ, когда

онъ объединяетъ въ одну общую племенную южную группу съ одной стороны древлянъ и уличей, а съ другой — полянъ и сѣверянъ: вѣдь послѣдніе были связаны съ хазарами и входили въ хазарско-славянской государственный союзъ, между тѣмъ, какъ первые, находясь въ правобережномъ Поднѣпровьѣ, стояли подъ другими культурно-экономическими и политическими вліяніями, разнообразіемъ которыхъ собственно и должно было обусловливаться первичное распаденіе Восточнаго Славянства на три основныхъ племенныхъ группы; кромѣ того, нельзя упускать изъ виду и настойчиваго лѣтописнаго утвержденія о весьма упорной и длительной, отъ временъ легендарнаго Кія до Святослава Игоревича, борьбѣ уличей и особенно древлянъ съ полянами, что говоритъ, конечно, противъ принадлежности ихъ къ одной племенной группѣ. Въ связи съ этой борьбой, очевидно, стояло то подмѣченное Шахматовымъ обстоятельство, что по отдѣльнымъ лѣтописнымъ намекамъ можно заключить объ обитаніи древлянъ первоначально не только на правомъ, но и на лѣвомъ берегу Днѣпра; эту догадку подтверждаютъ и данныя археологическія, отмѣчающія типичныя древлянскія погребенія какъ у самаго Днѣпра въ Кіевѣ, такъ и по другую его сторону (см. матеріалъ у Антоновича, Хвойки и Ковловской), а также старое черниговское преданіе о борьбѣ у Чернигова древнѣйшаго древлянскаго и сѣверянскаго князей (приведено Самоквасовымъ въ его Сѣверянскихъ могилахъ).

Много сдѣлано А. А. Шахматовымъ для выясненія исторической роли Скандинавовъ на территоріи восточнаго Славянства и объясненія имени „Русь“. Къ сожалѣнію вопросы эти такого характера, что Шахматову своими изысканіями не удалось закончить исторію двухвѣковыхъ споровъ и всѣхъ недоумѣній по данному предмету. Высказанная имъ въ послѣдней печатной брошюрѣ гипотеза объ образованіи на восточно-европейской территоріи въ IX вѣкѣ послѣдовательно трехъ скандинавско-русскихъ государствъ, конечно, слишкомъ сложна, теоретична и далека отъ фактической почвы письменныхъ источниковъ. Разумѣется, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одной изъ временныхъ „рабочихъ“ гипотезъ покойнаго ученаго, использовать которую для дальнѣйшихъ изысканій и построеній самому ему не дала неумолимая смерть. Такой же характеръ, думается, носить и его попытка приурочить „островъ хаканъ-Русь“ — Русію къ старой Руссѣ. Какъ показала недавняя замѣтка въ жур-

налѣ „Дѣла и Дни“ академика С. Ѳ. Платонова, Старая Русса не островъ и такого („островъ“) названія не имѣла. Въ той же работѣ и въ отношеніи къ той же новгородской территоріи Шахматовъ указываетъ для скандинавскихъ поселенцевъ и совершенно иное (не „Русь“ или „Русы“) этнографическое имя — „Колбязи“, которое онъ сближаетъ со скандинавскимъ именемъ „Kylfingar“ и византийскимъ „Κουλιγγοί“. Напримѣръ, первое письменное упоминаніе имени „Руса“ въ новгородскихъ предѣлахъ Шахматовъ отыскалъ лишь во второй половинѣ XII в., въ 1167 г., и послѣ этого оно встрѣчается здѣсь рѣдко; между тѣмъ вторая половина XII вѣка, это пора возвышенія Новгорода параллельно съ одновременнымъ паденіемъ Кіева и Поднѣпровья, т. е. какъ разъ той территоріи, которая предъ этимъ въ X-XII вѣкахъ, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей и Константина Багрянороднаго, по преимуществу носила имя „Русь“. Такимъ образомъ письменные источники могутъ скорѣе склонить изслѣдователя къ иной гипотезѣ; съ паденіемъ политическаго и экономическаго значенія Кіевско-Днѣпровской Руси въ XII вѣкѣ и перенесеніемъ тогда же торговаго центра днѣпровско-балтійскаго пути на сѣверъ — въ Новгородъ туда въ это время, вмѣстѣ съ отливомъ части населенія (Новгородское „и“ — „ѣ“), перекочевали и географическія названія, связанная съ именемъ „Русь“.

Эта и другія гипотезы (напримѣръ, объ аварской власти надъ Восточнымъ Славянствомъ, о польскомъ происхожденіи вятичей), высказанныя въ послѣдней печатной работѣ Шахматова, остались, къ сожалѣнію, имѣ недоговоренными, незаконченными — за неожиданной и безвременной кончиной ихъ автора; онѣ остались тѣмъ послѣднимъ словомъ великаго ученаго, которое побуждаетъ его продолжателей и учениковъ не принимать эти гипотезы, какъ нѣчто незыблемое и непрекословное, но дальше разрабатывать поднятые вопросы, дальше продвигать научную мысль въ поискахъ истины.

Предъ самой своей смертью А. А. Шахматовъ усердно принялся за изученіе антропологии, археологии и исторической этнографіи и засѣлъ за писаніе курса по исторической этнографіи Восточной Европы. Предъ покойнымъ ученымъ встали новые вопросы и проблемы; мы могли ожидать отъ него новыхъ смѣлыхъ гипотезъ и догадокъ, — и въ этотъ моментъ онъ неожиданно погибъ.